DOI: 10.17976/jpps/2014.05.04

ПРИГРАНИЧНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ И ЕВРОСОЮЗА: ТЕНДЕНЦИИ И МОДЕЛИРОВАНИЕ

Р.Х. Симонян, Т.М. Кочегарова

СИМОНЯН Ренальд Хикарович, доктор социологических наук, главный научный сотрудник ИС РАН; КОЧЕГАРОВА Тамара Михайловна, научный сотрудник группы "Российско-Балтийский центр" ИС РАН. Для связи с авторами: sim@isras.ru

Статья поступила в редакцию: 11.05.2014. Принята к печати: 17.06.2014

Аннотация. В течение многих веков в мировой политической и экономической системе Европа задавала тон, но сейчас стоит вопрос не столько лидерства, сколько места Европы в глобальном мире. Более того, тревога за сохранение самой европейской цивилизации охватывает интеллектуальный истеблишмент Европы. Задача сохранения Европы как социокультурного феномена в ближайшие десятилетия будет все более актуальной. Без геостратегического сотрудничества с Россией она рискует превратиться в очень маленькую, исчезающую часть мирового населения на небольшом и не имеющем значения полуострове на оконечности громадного Евразийского континента. Обескровленная реформами 1990-х годов Россия для своей модернизации нуждается в Европе. В складывающейся новой конфигурации миро-системы и роста ее рискогенности роль добрососедства становится определяющей, как для обеспечения общественной стабильности, так и для социально-экономического развития сопредельных государств. Интеграция Европейского союза и Российской Федерации – это геополитический императив, который исходит не из каких-либо идеальных побуждений, а из сугубо прагматичных интересов как Европы, так и России. Перед ЕС и перед РФ стоят, по сути, одни и те же глобальные вызовы, ответы на которые во многом зависят от объединения имеющихся ресурсов. Для России Евросоюз является не только главным экономическим партнером, концентрирующим более половины внешнеторгового оборота, но и частью общей христианской цивилизации. Непосредственная граница между РФ и ЕС проходит в Балтийском регионе. В странах, расположенных в этой приграничной зоне, составлявших в течение длительного исторического периода общее государство, происходит процесс социокультурного взаимодействия Евросоюза с Россией. В статье рассматриваются различные модели как институционального взаимодействия, так и стихийной социокультурной диффузии.

Ключевые слова: приграничная зона, внутрирегиональное взаимодействие, общехристианские ценности, диалог культур, аккультурация.

В современном рискогенном мире роль межцивилизационного и межкультурного взаимодействия в обеспечении стабильности миросистемы постоянно возрастает. "Жизнь в современном мире не укладывается в привычные для большинства людей границы их традиционной национально-государственной самоидентификации. Сами границы остаются, но они уже не вмещают в себя содержание человеческой жизни в глобальном обществе" [Межуев 2008: 110]. Возникает ситуация новых, подвижных форм идентификации. Эта ситуация особенно отчетливо проявляется в приграничных зонах, сопредельных территориях между различными цивилизационными или межкультурными сферами. Самоидентификация идет уже не столько по этнической, сколько по территориальной (региональной) принадлежности. В этих мезо-пространствах развитие общественных процессов происходит в результате взаимодействия общностей, вы-

ступающих в качестве субъектов и объектов направленных действий. Субъектом в каждом конкретном случае становится та общность, которая обладает более высокими социально-экономическими или культурными достижениями.

Для России проблема мезо-сфер представляет особенную остроту, ибо ее географической особенностью является наличие широкого пояса сопредельных стран, с самым широким спектром цивилизационных и культурных особенностей. Страны-соседи играют важную экономическую и политическую роль. Они сильно различаются по размерам и структуре хозяйства, уровню развития, культурным особенностям. Россия непосредственно соседствует с христианской, мусульманской и буддистской цивилизациями, общая протяженность государственных границ составляет более 22 тыс. км.

Процесс расширения взаимосвязи и взаимозависимости различных стран, народов и их культур актуализирует проблему соседства. Еще в начале XX в. Г. Зиммель пришел к выводу, что "граница – это не пространственный факт с социологическим эффектом, но социологический факт, который пространственно оформляется" [Зиммель 1996: 599]. Современная общественная практика это убедительно подтверждает: границы теряют барьерные функции. Даже если официальные очертания границ не меняются, меняются взгляды на то, что эти границы представляют – осуществляют ли они функции кооперации или защиты от внешних неблагоприятных воздействий.

Глобализация не только снижает барьерную функцию государственных границ, но и активизирует трансграничные материальные, финансовые и человеческие потоки, что сопровождается формированием сетей неформального и формального взаимодействия между соседними приграничными регионами. Горизонтальные сетевые связи формируют основу для образования новых пространственных форм интеграции, тем самым появляется возможность повысить эффективность использования ресурсов как за счет согласования стратегических направлений развития отдельных регионов, так и посредством выработки совместной стратегии действий.

Пройдя исторический путь развития, современная система приграничного сотрудничества представляет собой целый комплекс взаимоотношений. В повестку дня теперь входят не только торговые контакты, но и проблемы экологии, взаимообмен культурными ценностями, туризм, совместная деятельность ученых и т.д.

Для приграничных регионов внешние связи выступают важным фактором их устойчивого развития, что обусловлено действующей договорно-правовой базой. В ее структуре можно выделить два правовых уровня. Во-первых, генерализированное взаимодействие, определенное Федеральным законом "О приграничном сотрудничестве". Здесь определяется государственный уровень открытости России и тем самым – соотношение контактности и барьерности ее границ. Во-вторых, негенерализированное, связанное с отдельными людьми, и частично несистематизированное и неинституционализированное взаимодействие. Оно связано с деятельностью отдельных людей и его следует рассматривать как межличностное взаимодействие, которое дополняет межгрупповое и межгосударственное. Речь идет о многочисленных "капиллярах" социокультурного обмена, которые играют возрастающую роль в социокультурной диффузии соседей.

И в том, и другом случае качеству соседства принадлежит важная роль, очевидность которой возрастает по мере ужесточения глобальных вызовов. В мире повышенных рисков фактор благоприятного соседства является необходимой гарантией стабильности миро-системы. Поэтому кооперация рациональнее,

чем конфронтация, а сотрудничество выгоднее, чем конфликт. Следовательно, кооперация и сотрудничество являются более естественным состоянием соседей в современном мире. В этом смысле глобализационные процессы несут не только вызовы и угрозы, но и открывают новые возможности сотрудничества.

Соседи России сильно различаются по размерам и структуре хозяйства, уровню развития, культурным особенностям. В культурно-цивилизационном плане регионы, выходящие к старым государственным границам, одновременно граничат с иными культурными системами: европейской, мусульманской и китайской. Россия, занимающая пространство Европы и Азии, – существенная часть общей европейской культуры, она принадлежит к европейскому христианскому миру, ее тысячелетняя история – важная часть общеевропейского процесса. "Удел России – стать составной частью европейской экономики, политики и общественной жизни, хотя, конечно, ей (как, впрочем, и Великобритании, Франции или Германии) всегда будут присущи свои отличительные черты" – пишет У. Хаттон в предисловии к русскому изданию своей новой книги "Мир, в котором мы живем" [Хаттон 2004: 5].

Задача эффективного использования потенциала соседства стоит как перед Россией в целом, так и перед ее отдельными регионами. Последствия реформ 1990-х годов ставят Россию перед выбором: развитие страны или консервация ее нынешнего состояния. Поэтому сегодня России нужно не превознесение Запада, в чем уже преуспели одни, и не обожествление собственной исключительности, в чем еще больше хотят преуспеть другие, но твердое осознание реальности и стремление к максимальной целесообразности в использовании современных достижений, не утрачивая своей самобытности, как это уже сделали передовые страны Азии и делают передовые страны Южной Америки. Россия проходит свой особый, но все же европейский путь развития. Расширение взаимодействия с объединяющейся Европой повышает шансы России на модернизацию, и, следовательно, на более продуктивные отношения РФ с Китаем, Индией, США, и, конечно же, с постсоветскими странами. Для Евросоюза, несмотря на все трудности взаимоотношений с Россией, сотрудничество с ней – не только благо, избавляющее его от энергетической и сырьевой зависимости от регионов Ближнего Востока и Северной Африки, от вынужденных отношений с нестабильными и опасными регионами мира, но и необходимое условие для достойного ответа на американский, японский, китайский и другие глобальные вызовы.

Масштабы этих вызовов Европа уже осознает. В течение многих веков в мировой системе Европа задавала тон, но сейчас стоит вопрос не столько лидерства, сколько места и роли Европы в глобальном мире. Необходимость общеевропейской интеграции для сохранения роли Европы в мире понимали лучшие российские умы еще в XIX в. Так, в 1884 г. С.Ю. Витте писал: "Вообразите, что вся Европа представляет собой одну империю, что Европа не тратит массу денег и труда на соперничество различных стран между собою ... тогда Европа была бы гораздо сильнее, и гораздо культурнее, она действительно являлась бы хозяином всего мира, а не дряхлела бы под неимоверной тяжестью взаимной вражды, соревнований и междоусобных войн. Для того чтобы этого достигнуть, нужно, прежде всего, стремиться установить прочные отношения между Россией, Германией и Францией. Тогда образуется общий континентальный союз... иначе Европа и вообще отдельные страны, ее составляющие, рискуют очень большими невзгодами" [Витте 1960: 122].

Перечень глобальных вызовов зафиксирован в ряде документов Евросоюза, посвященных стратегии и направлениям сотрудничества ЕС и РФ. В общем

виде эту стратегию можно охарактеризовать как естественную реакцию на угрозы существования христианской цивилизации. Несмотря на все тактические разногласия в отношениях Россия – ЕС, геостратегический вектор строительства Большого Европейского Дома является определяющим. Интеграция Европы и России – это геополитический императив, который требует, исходя не из каких-либо идеальных побуждений, а из сугубо прагматических интересов, как Европейского союза, так и России.

Закладывая фундамент в строительство Большого Европейского Дома, К. Аденауэр и Ш. де Голль в 1950-х годах дискутировали по поводу устройства этого Дома: "Европа-отечество" или "Европа отечеств" (Европа государств). Итоги этой дискуссии подвел Жискар д'Эстен в 1970 г., который пришел к выводу, что Большая Европа – это Европа регионов. Стремление регионов к расширению собственной самостоятельности на международной арене является составной частью более общих процессов внутригосударственной регионализации и федерализации, а сами процессы стимулируют дальнейшую активизацию международных связей регионов. Это характерно и для традиционно федеративных государств с сильными регионами (ФРГ, Канада, Великобритания), и для унитарных государств, в которых происходит "перетекание" полномочий от центра к автономным сообществам. Примерами эволюции от унитарного государства к федеративному являются Испания и Италия. Непосредственное участие регионов в международной деятельности представляет собой одну из отличительных черт так наз. *нового регионализма*, сложившегося в международных отношениях к концу XX в.

В условиях глобализации и появления на карте мира новых государств, число которых уже перевалило за две сотни, значение региональных объединений, как и возникшей сравнительно недавно науки – регионалистики, – будет возрастать. Так же как и возрастает необходимость регулирования общественных процессов, происходящих в пространстве между локальным (микроуровень) и глобальным (макроуровень) уровнями организации социальных систем на промежуточном уровне. Регион и выполняет роль этого промежуточного (мезо-) уровня. Следует подчеркнуть, что величина региона не является системообразующим фактором: "Размеры – самый ненадежный критерий величины страны, – писал Джавахарлал Неру своей дочери. – Открыв атлас, ты увидишь маленькую Европу, примыкающую к огромному Азиатскому континенту. Но это конечно не означает, что обширные размеры Азии делают ее великой. Мы хорошо знаем, что Европа, хотя и малая часть света, сегодня является великой" [Неру 1989: 48].

В процессе общеевропейской интеграции есть узловые места, территориальные площадки, пространства-катализаторы, где движение наиболее интенсивно – приграничные зоны между различными культурными феноменами. Приграничная зона, включающая в себя европейский Северо-Восток и российский Северо-Запад, представляет образец широкого развития многосторонних политических, экономических, административных, культурных трансграничных связей, который получил новый импульс после окончания холодной войны, когда стали интенсивно развиваться идеи и практика регионализма. Этому способствовала обеспокоенность стран Севера Европы усилением политической конкуренции, а также тенденциями евростроительства, которые, по словам финского экономиста П. Сутела, могли привести к "превращению Северных стран в маргинальную периферию" [Сутела 2007: 23]. Расширение масштабов взаимодействия России и Евросоюза в значительной мере устраняет эту опасность.

Страны Северо-Востока Европы – соседи России – не только являются членами ЕС (Латвия, Литва, Польша, Финляндия, Эстония), но в течение длительного исторического периода составляли вместе с Россией единое государство. Поэтому отношения в этом регионе включают элементы социально-культурной гомогенности, ощущения общности судеб и государственных интересов. Процессы, происходящие в этой зоне, во многом воспроизводят взаимодействие западно-христианских и восточно-христианских ценностей, что находит отражение в экономических, политических, правовых, этнокультурных и морально-психологических аспектах общественной практики этих стран. Как историческое понятие "регион Балтийского моря" впервые появилось во времена Ганзейского союза, к торговой системе которого относились и русские города Северо-запада Руси, прежде всего Новгород и Псков, где имелись многочисленные фактории ганзейцев. Успехи в развитии стран Ганзейского союза в XIV-XVI вв. еще раз подчеркивают интегративный потенциал этого региона.

Здесь реализуются крупные программы приграничного сотрудничества России и Евросоюза: "Программа соседства региона Балтийского моря" – *INTERREG III B*, "Видение и стратегия развития Балтийского региона" – *VASAB 2010,* "Партнерство для модернизации" и др.

При прочих равных условиях эффективность пограничного сотрудничества определяется качеством приграничной зоны, тем, какими пространствами соседи непосредственно соприкасаются. Европа к нам повернута наиболее политически близкой нам социал-демократической частью – Северные страны и Прибалтика. Территориальная структура народного хозяйства нашей страны имеет выраженный европоцентричный характер, Россия обращена к ЕС своей наиболее развитой частью, которая заключает в себе культурный и инновационный потенциал мирового значения.

Созданные в этой зоне десятилетия назад единые энергетические, газовые, транспортные, коммуникационные, топливные и информационные системы – еще один, экономический ресурс для регионального взаимодействия. Причем железные дороги Финляндии и стран Балтии физически находятся в пространстве "русской колеи", а юридически в Европейском союзе. Традиции тесного сотрудничества – это серьезные конкурентные преимущества на мировом транспортном рынке.

Прямое соприкосновение с Европейским союзом имеет важное значение для развития российских приграничных регионов. Российский Северо-Запад стоит перед задачей масштабной модернизации экономики, социальной сферы, пространственной организации хозяйства и населенных пунктов разного уровня. Для российских регионов трансграничное сотрудничество с ЕС важно с точки зрения получения финансовых ресурсов, как правило, на принципах софинансирования, и, что особенно важно, новых технологий. Принятые к реализации проекты нацелены на решение вполне конкретных проблем регионов, что в конечном итоге улучшает их социально-экономическое положение и повышает привлекательность для инвестиций. Для ЕС трансграничное сотрудничество с Россией необходимо в преодолении периферийности своих прибалтийских и северных окраин. Среди стран европейского Севера наиболее активно за трансграничное сотрудничество с российскими регионами выступает Финляндия.

Выделенные в структуре взаимодействия стран-соседей два правовых уровня – генерализированное (упорядоченное), и негенерализированное (стихийное), рождает различные механизмы и модели приграничного взаимодействия. В Федеральном законе "О приграничном сотрудничестве"

говорится: "Приграничное сотрудничество – составляющая часть международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации и муниципальных образований с сопредельными государствами".

Современные модели и механизмы генерализированного приграничного взаимодействия ориентированы преимущественно на торгово-экономические отношения между соседними государствами. Эти модели могут действовать в соответствии с эффективными интеграционными схемами, сплачивающими сообщества приграничья, в том числе с помощью механизмов свободной торговли, а также таможенных, валютных, социально-экономических объединений. В соответствии с этим выделяют три модели приграничного сотрудничества.

Первая – традиционная. В ее основе лежит существенная разница цен на товары и услуги по обе стороны границы, а экономический эффект связан с расширением рынка сбыта для одной стороны и получением более дешевых товаров и услуг для другой стороны. Вторая – преференциальная, предполагающая предоставление преференций приграничным регионам, как на двусторонней, так и на односторонней основе. Эффективность этих моделей в значительной мере зависит от правил пограничного, миграционного и таможенного контроля, тарифных ограничений, налогообложения экспортируемых и импортируемых товаров или, иными словами, от уровня либерализации трансграничного движения. Третья – институциональная, которая базируется на договорных отношениях, совместных проектах и программах, а также специально создаваемых организациях. Эффективность этой модели зависит от уровня децентрализации власти и государственных финансов, развития гражданского общества.

Одним из ключевых условий реализации этих моделей приграничного сотрудничества представляется эффективное функционирование рынка труда, который представляет собой механизм саморегулирования сферы оплачиваемой занятости на основе взаимодействия работодателей и нанимаемых работников, формирующего объем, структуру и динамику спроса на трудовые услуги и предложения рабочих мест.

Для генерализированного процесса приграничного взаимодействия характерно широкое участие в нем органов власти субъектов РФ и местного самоуправления на основе договоров с аналогичными территориальными органами власти соседних стран. Сферой сотрудничества являются не только транспорт, торговля, экология, информация, новые технологии, но и образование, культура. Генерализированное сотрудничество реализуется в рамках совместно или согласованно разрабатываемых программ и проектов.

В негенерализированном процессе можно выделить несколько форм приобщения одного народа к социокультурным ценностям другого в их непосредственном взаимодействии, которое описывается несколькими типологическими моделями.

Первая – аккультурационная. Ее характерной особенностью является акцент на сознательном, добровольном, активном усвоении индивидом новой культуры. Здесь особая роль отводится фактору доверия. Особенностями этой модели являются: установка на взаимодействие, погружение в новую культурную среду; приобретение новых личностных контактов, связей, открывающих простор воображению человека. Реализация этой модели состоит из трех этапов: первый – взаимосвязь предварительного образа с реальным и вытеснение предварительного; второй – персонализация – осознание характера нового социума через конкретных его представителей. И, наконец, третий этап – институционализация – поворот в сознании к более безличному, де-

персонифицированному представлению о стране. Аккультурационная модель носит универсальный характер, так как она в той или иной мере присутствует во многих типах социокультурного взаимодействия.

Вторая – кооперационная, раскрывающая возможности взаимовыгодного сотрудничества в различных сферах деятельности: индивидуальное или частное предпринимательство (в том числе совместный бизнес, приглашение иностранных специалистов), совместные научные исследовательские проекты, культурный и спортивный обмен, изучение опыта управления и т.д. Рост экономического сотрудничества способствует распространению русского языка, который становится все более ценным товаром на рынке труда в странах Балтии и Финляндии. Приграничные муниципалитеты Восточной Финляндии – Куусамо, Йонсуу, Лапперанта, Иматра, Кухмо и др. (а это более 20% населения страны) – усиливают политическое давление на правительство, требуя введения в школах уроков русского языка. Препятствие в том, что в Финляндии два государственных языка – финский и шведский. Но многие эксперты считают, что, учитывая высокий уровень развития местного самоуправления, будет найден формат, положительно решающий языковую проблему. Так, на северо-западе РФ в настоящее время действует более 700 предприятий с участием финского капитала, еще большее количество (около 2,5 тыс.) зарегистрировано в Финляндии с участием российского капитала (чаще всего это семейные предприятия). В небольшой по размеру Калининградской области действуют более тысячи совместных российско-литовских, российско-польских предприятий. В связи с экономическим кризисом многие совместные фирмы перенесли свои главные офисы в Россию (прежде всего латвийские и литовские). По данным Торгово-промышленной палаты РФ, количество совместных предприятий в России с каждым годом возрастает. К кооперативной форме аккультурации относятся совместные научно-исследовательские проекты. Следует подчеркнуть, что Финляндия является одной из самых технологически продвинутых стран Евросоюза, ее вполне заслуженно называют страной озер и технопарков.

Третья – познавательная. Эта модель реализует одну из основных потребностей личности и рассматривается как целенаправленный процесс познания иной культуры, иного социума. Присутствие в этом процессе имплицитного сравнения со своей культурой, социумом есть необходимый элемент их взаимодействия. Индивидуальный или групповой туризм является одной из наиболее распространенных форм этой модели. В настоящее время здесь существует глубокий дисбаланс. Если в 2013 г. 11,9 млн человек выезжали из России через туристические фирмы за границу, то Россию посетило 2,4 млн зарубежных туристов, что ставит нашу страну на 59 место в мире по этому показателю. В общем объеме ВВП доходы от туризма составляют менее 2%, в то время как в развитых странах – более 10-12%. По оценкам экспертов, потенциал зарубежного туризма в Россию соответствует 4-5 месту в мировом рейтинге. Доля россиян, выезжающих в страны Балтийского региона, в последние два-три года увеличивается в общем объеме зарубежного туризма. В частности, россияне как бы заново открывают для себя Прибалтику.

Четвертая – образовательная. Одна из особенностей этой модели состоит в том, что при выборе жизненного пути выбор места приобретения профессиональных знаний оказывается часто определяющим. Вторая особенность заключается в императиве, ибо мотив целеполагания оказывается решающим: получение образования.

Растущий объем межгосударственных программ по студенческому обмену и увеличивающийся поток молодых россиян, стремящихся получить высшее образование за пределами России, приводит к выводу о том, что образование становится одним из важных направлений приграничного взаимодействия. А для Балтийского региона даже основным, если учесть не только высокий уровень образования в Финляндии (одно из первых мест в мире), территориальную близость, но и другие составляющие этого направления. В отличие от России оно здесь бесплатное, причем для обучения в университетах даже не обязательно знать финский язык, достаточно английского, на котором проводится обучение по 498 программам различных специальностей. За последние 10 лет поток россиян, получающих высшее образование в университетах Финляндии, вырос в 3 раза: с 977 чел. в 2003 г. до 2890 чел. в 2012 г. Из стран Балтии, прежде всего Эстонии, в университетах Финляндии обучаются около тысячи студентов, из которых более половины – русские. Увеличилось, но не так значительно, количество студентов из Финляндии, обучающихся в российских университетах (чаще всего это СПбГУ): с 56 в 2003 г. до 98 – в 2013 г. что для 6-миллионого населения не так уж мало.

Пятая – ролевой тренинг. Еще одна сравнительно недавно возникшая модель социокультурного взаимодействия, в которой процесс взаимодействия, взаимопроникновения культур происходит как увлекательный досуг, как ролевая модификация, как некий интеллектуально-приключенческий экстрим, потребность в котором возрастает в связи с ростом как свободного времени, так и свободных денег. Ее побочный, но важный для процесса межкультурного взаимодействия продукт – публикации в форме очерка, прежде всего в Интернете, о личных впечатлениях, рождающихся в контакте с иной культурой. Эта модель является своеобразным актом самоутверждения. Здесь проявляется креативный, эвристический аспект взаимодействия. Эта модель описывает механизм вовлеченности в процесс усвоения новых социокультурных норм, возникший как элитарный, статистически пока еще не очень значимый, становящийся все более распространенным.

Шестая – потребительская. Шопинг – как наиболее массовая, хотя и узкоспециализированная форма приобщения индивида к чужой культуре. Это явление возникло в России в конце 1980-х – начале 1990-х годов в связи с товарным голодом на потребительском рынке. Так наз. *челночный бизнес* вовлек в этот специфический вид социокультурного взаимодействия сотни тысяч российских граждан (включая интеллигенцию), которые совершали длительные и регулярные вояжи в соседние государства. Предельный прагматизм этой формы межкультурного обмена компенсируется ее масштабом. Через сферу экономических отношений эта форма породила новый вид мотивации для развития социокультурного взаимодействия. Связи, основанные на потреблении, вполне сопоставимы по значению с другими факторами взаимодействия культур. Проводники этих связей играли ту же роль, что в прошлом такие фигуры, как Афанасий Никитин и Марко Поло, открывшие для Европы новые миры.

Седьмая – миграционная. Масштабы переселения народов быстро возрастают, что трактуется как “миграционный бум”. В странах Балтии из общей численности населения 7 млн русские составляют 1,5 млн, а русскоязычные – 1,8 млн чел. С каждым годом увеличивается количество русских в Швеции и Норвегии. В норвежском Киркинесе названия улиц и реклама даются на двух языках: норвежском и русском. Растет русская диаспора в Финляндии. Если в 1992 г. там проживало 3 448 русских, то в 2012 г. – 58 350 чел. – это только те, кто имеет вид на жительство.

Указанные модели отражают процессы взаимодействия, которые в свою очередь можно объединить в два больших кластера – теоретическое и прагматическое стимулирование модернизационного импульса в российском общественном сознании.

Витте С.Ю. 1960. *Воспоминания*. Т. 2. М.: Соцэкгиз. 639 с.

Зиммель Г. 1996. *Избранное*. Т. 2. М.: Юрист. 607 с.

Межуев В.М. 2000. Проблема современности в контексте модернизации и глобализации. – *Полития*. № 3. С. 102-115.

Неру Дж. 1989. *Взгляд на всемирную историю*. Т. 1. М.: Прогресс. 356 с.

Сутела П. 2007. ЕС и Россия: возможно ли взаимодействие на равных? – *Россия в глобальной политике*. № 6. С. 8-20.

Хаттон У. 2004. *Мир, в котором мы живем*. М.: Ладомир. 556 с.

DOI: 10.17976/jpps/2014.05.04

BORDER INTERACTION BETWEEN RUSSIA AND EU: TRENDS AND MODELING

R.Kh. Simonyan[1], T.M. Kochegarova[2]

[1]Institute of Sociology, RAS. Moscow, Russia

[2]Institute of Sociology, RAS. Moscow, Russia

SIMONYAN Renald Khikarovich, Dr. Sci. (Soc.), chief researcher, Institute of Sociology, RAS; KOCHEGAROVA Tamara Mikhaylovna, researcher, group "Russian-Baltic Centre", Institute of Sociology, RAS. Email: sim@isras.ru

Received: 11.05.2014. Accepted: 17.06.2014

Abstract. For many centuries Europe has been setting the tone in the world political and economic system. However, nowadays the question is about European role in the global world, rather than about its leadership. Moreover, the concern for preservation of the very European civilization is widely spread in the European intellectual establishment. The task of preserving Europe as a socio-cultural phenomenon will become increasingly important during the next decades. Without a geo-strategic cooperation with Russia it faces the risk of turning into a very small and diminishing part of the world population on a small and insignificant peninsula at the top end of a huge Eurasian continent. Europe is essential for modernization of Russia, which lost a lot of blood during reforms of the 1990s. In the emerging configuration of the world-system with its growing risks, the "good neighborhood" factor becomes decisive for providing public stability, as well as for socio-economic development of neighborhood states. Integration of the EU and Russian Federation is a geopolitical imperative, originating in strictly pragmatic interests of both sides, rather than some ideal motives. In effect, EU and Russia are facing the same global challenges, answers to which depend largely on combining their available resources. For Russia, EU is not only the main economic partner, concentrating more than a half of the global trade, but also a part of the Christian civilization. The common border of EU and Russia is situated in the Baltic region. Countries in this border area, which for a long time existed as a unite state, undergo a process of socio-cultural interaction of EU and Russia. Various models of institutional interaction, as well as of spontaneous socio-cultural diffusion are studied in the article.

Keywords: border area, inter-regional interaction, all-Christian values, acculturation.

References

Hutton W. World We're in (Russ. ed.: *Mir, v kotorom my zhivem*. Moscow: Ladomir. 2004. 556 p.).

Mezhuyev V.M. Problem of Modernity in the Context of Modernization and Globalization. – *Politeia*. 2000. No. 3. P. 102-115. (In Russ.)

Neru J. Glimpses of World History (Russ. ed.: *Neru J. Vzgljad na vsemirnuju istoriju. T. 1.* Moscow: Progress. 1989. 356 p.).

Simmel G. *Izbrannoye. T. 2.* [Selected Works. Vol. 2]. Moscow: Jurist. 1996. 607 p.

Sutela P. EU and Russia: is it Possible to Interact on Equal Terms? – *Russia in Global Affairs*. 2007. No. 6. P. 8-20. (In Russ.)

Vitte S.Yu. *Vospominanija. T. 2.* [Memories. Vol. 2]. Moscow: Socjekgiz. 1960. 639 p.